

М. Горькій. «Читатель» 3-й томъ 3-го изданія т-ва
„Знаніе“, стр. 237—255 включительно. *)

Въ 3-мъ томѣ рассказовъ Горькаго должно быть отмѣчено произведе-
ніе этого писателя—„Читатель“,—какъ въ высшей степени замѣчательное.
Въ этомъ произведеніи задается вопросъ первостепенной важности, *„О цѣ-
ляхъ литературы“* о томъ, *„чего хочетъ литература“*. А при попыткѣ
разрѣшить этотъ вопросъ, авторъ приходитъ къ другому вопросу, еще бо-
лѣе глубокому и обширному, къ вопросу, должно сказать, уже всеобъемлю-
щему.—«Кто есть твоя Богъ?» И авторъ называетъ этотъ вопросъ роковымъ,
«на который такъ трудно отвѣтитъ человѣку нашего времени, если этотъ
человѣкъ честно относится къ себѣ. Кто есть мой Богъ? Еслибъ я зналъ
это!»—восклицаетъ авторъ. Отвѣчая на вопросъ своей совѣсти, которая го-
воритъ ему—«ты пишешь и тысячи людей читаютъ тебя; что же именно ты
проповѣдуешь? И думалъ ли ты о своемъ правѣ поучать?»—авторъ, долженъ
сознаться, что хотя онъ и «открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и
желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства
объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей все явленія
жизни», онъ не нашелъ въ себѣ. «Въ душѣ моей», продолжаетъ авторъ, «много
ненависти, она постоянно тлѣетъ тамъ. Иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ
гнѣва: но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой они такъ потрясаютъ мой
умъ, такъ лавятъ сердце что долгое время существую внутренно опустошен-
ный». Сдѣлавъ такое признаніе и вновь обращаясь къ себѣ съ вопросами:
«Что же, въ самомъ дѣлѣ, я проповѣдую, я такой, каковъ есть? И что я могу
сказать людямъ? То, что уже давно говорили имъ и всегда говорятъ, что
находить себѣ слушателей но не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю ли я
право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ,
часто поступаю не такъ, какъ они повелѣваютъ? Если я иду противу нихъ,
значить ли это, что убѣжденіе въ ихъ истинности есть искреннее мое убѣж-
деніе, заложенное въ основѣ моего «я»?.—Все эти вопросы авторъ, не
измѣняя искренности, долженъ былъ оставить безъ отвѣта. А затѣмъ онъ до-
ходитъ до большей еще искренности и признаетъ, что его *«речь о правдѣ и лю-
бви звучитъ фальшиво и лицемерно»*, точно онъ насилуетъ себя, когда го-
воритъ объ этомъ; что онъ «нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь
дѣйствительно цѣнное», а то, что даетъ, даетъ «для того, чтобы больше

(*) Ст. въ эта гла напечатана въ газетѣ Асхбадъ за 1903 годъ въ № 78
87 и 88.